

О Гнеушеве не принято говорить плохо. Впрочем, равно как и хорошо. О нем принято говорить с легким томным придыханием: «Ах, Гнеушев...» (с оттенком сочувственно-понимающим). В соответствии с эрудицией собеседника можно к этому добавлять: «Тот самый, который вместе с Виктюком «Федру» на Таганке... «Служанок» у Райкина...» или «Ну как же, «Красный арлекин» Царькова, получивший в 1986 году в Париже на конкурсе «Цирк завтрашнего дня» золото и приз за оригинальность — его работа...»

Для тех же, кто не сведущ, сообщим добавочно: Валентин Гнеушев — главный режиссер экспериментальной творческой мастерской Всесоюзной дирекции по подготовке цирковых программ, аттракционов и номеров. И в этой дирекции мы и могли увидеть его последнюю работу на просмотре в самом конце декабря. И хотя в просмотре участвовали другие номера, надо признать, что публика (заметим, «своя» публика — то есть информированная и сориентированная) шла «посмотреть на Гнеушева». Шла — и посмотрела. И увидела. Увидела комический дуэт Ольги Лебединской и Геннадия Чижова. Об этом без томного придыхания и хотелось бы поразмышлять.

Конечно, лучше, чем сто раз услышать... Но раз взглянуть уже не дано (когда еще повторится просмотр, а работать эта пара еще не начала), то все-таки, наверное, лучше один раз услышать, чем совсем ничего.

Итак, пара. Высокая, угловатая «мальчишковая» девушка с густо набеленным лицом-маской появляется в выходной репризе в костюме белого клоуна. Но ее партнер — вовсе не рыжий. Едва доставший ей до плеча, в неизменной черной пиджачной паре, он ни в малой степени не напоминает об утрированности и карикатурности рыжего; он скорее, элегантен, даже изыскан — в абрисе, пластике, отношениях с партнершей. Уже одно это — необычно. Одно это — останавливает, заставляет внимательно смотреть. И это же, в конце концов, и настораживает.

Режиссура клоунады и эксцентрики — вещь нематериальная, но одновременно странным образом очень осязаемая. Если режиссера у артиста нет, то им неизбежно становится публика, ведущая комика у себя на поводу и это выглядит грустно (исключения единичны). Если режиссер есть, но он не умер в актере до конца, и его уши торчат из каждой исполняемой репризы, то рано или поздно становится скучно. Причем скучно всем: как зрителю, так

и актеру. Театр может себе позволить форму «режиссерского театра», поскольку обладает богатим драматургическим материалом. В цирке, где, как правило, весь драматургический материал сводится к образу, создаваемому одним актером в весьма банальных ситуациях (не обладающих собственной ценностью, а лишь работающих на этот образ) — это невозможно.

К чему такое длинное отступление? Известно немало примеров, когда режиссер подавлял клоуна богатством своей фантазии придуманными им трюками («корючками» — как говорили прежде в цирке, «гэгами» — как говорят теперь в кинематографе). Гнеушев подавляет своих подопечных жестом. Заданность пластического решения, постоянное существование актеров в очень жесткой системе координат — изысканной, но неестественной; как выходящий аристократизм балансирующей на грани утонченной красоты и овеянного идиотизмом уродства. В этом есть своя прелесть. Но так как это всего лишь форма, пустая оболочка, плоскость, не имеющая иного плана, то это хорошо с первого раза и... до второго.

Хотя эта пара Лебединская — Чижов и называется комическим дуэтом, комического в них мало. Они не клоуны, они именно эксцентрики — неожиданные люди, поступающие неожиданно.

И они — не из цирка. Впрочем, даже построенные мизансцен в их репризах не манежное, а сценическое, плоскост-

ДИКТАТУРА ЖЕСТА

ное. Особенно это заметно в «Шляпах», «Эксцентрической дрессуре», музыкальном антре. Нет, какие-то уступки круглой арене делаются, но все же остается впечатление, что она содержит для режиссера больше неудобств, чем преимуществ.

Они — не из цирка и в силу своей некой бесплотности, бесполости. То, к чему мы привыкли в балете, невозможно перенести в манеж. Здесь, напротив, господствует голое, красивое, сильное тело, которым любуются. Клоун — не от мира сего, он может быть из сказки, из праздника, но он не может казаться пришельцем из мира духов. Скорее он будет похож на несуществующего Чебурашку, чем на существующее привидение. Эта томность, изысканность, потусторонность напоминают о колomboнах и пьеро, модных в начале века, но так быстро забытых. Они оказались нежизнеспособны даже в эпоху декаданса в самой изысканной среде. Сейчас уже нет ни той среды, ни той эпохи...

Дуэт Ольга Лебединская — Геннадий Чижов придуманный, умозрительный. Несмотря на комический эффект из-за роста, стильность пластики и кажущееся партнерство — они не необходимы друг другу. Может быть, подавленные жестом, они просто не могут найти форму выражения своей внутренней связи, но сейчас, во всяком случае, они больше напоминают согласно действующие автоматы, нежели какие-то одушевленные существа. Вот, кстати, и

слово найдено — отсутствует закон души. Присутствует диктатура жеста. А диктатура, как известно, еще никого до добра не доводила.

И несколько слов о белой крысе.

Я безусловно боюсь всех крыс. Всех, кроме одной. Я увидела ее год назад на просмотре в том же зале. Крыса была белой и производила впечатление очень чистого и очень человеческого животного. Я понимала, что эта крыса не может сделать никому ничего плохого. Номер назывался «Блюз для белой крысы», и исполнял его... Геннадий Чижов. Он выходил в стойку на руках, затем под музыку блюза (оркестр стоял рядом) переходил из одной стойки в другую, а крыса, забавно перебирая лапками, семенила по его ногам, плечам и голове, казалось, прислушиваясь к музыке.

Трюковая основа этого номера сохранилась и в репризе «эксцентрической дрессура», исполняемая О. Лебединской и Г. Чижовым. Изменился лишь антураж. И режиссер (напоминаю для всех, кто забыл — Валентин Гнеушев) ...убил крысу. Нет, он не обогрил свои руки кровью невинного животного. Но поскольку крыса не могла изменить свой пластический рисунок, то в наказание за это было отодвинута на второй план. Прежде она была героиней, теперь она оказалась лишь объектом дрессуры.

Я не могу сказать, стало ли это лучше или хуже. Это стало по-другому. И, наверное, очень личное: я лишилась веры в единственную крысу.

А если серьезно... Это, конечно, не цирк завтрашнего дня и не цирк будущего. Это — цирк Гнеушева. (Впрочем, вопрос о том, цирк ли это, остается нерешенным). Феномен, повторения которому не будет. И... тупиковая ветвь развития искусства. Он существует пока в экспериментальных формах и окажется ли он жизнеспособен, можно будет проверить лишь тогда, когда артисты выйдут к зрителям. Я полагаю, что не окажется. Жест автоматизируется, артист превращается в робота, а человеку свойственно искать в себе и других что-то человеческое и отзываться именно на это. Артисты показали мне зажатые, не получающими удовольствия от своей игры, превратившими ее в работу прежде, чем она оказалась удовольствием. Придет ли зритель? Безусловно, да. Цирк Гнеушева не умрет голодной смертью, его не уничтожат подобные «внешние» причины. Боюсь, что рано или поздно он взорвется изнутри. И тогда мы счастливо будем вспоминать, как мы это смотрели...

И дай Бог, чтобы я во всем ошибалась. Светлана ЕРЕМЕЕВА. Фото Дмитрия БОРКО.

